

Частные предположения

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Частные предположения

Аркадий и Борис Стругацкие

Аркадий и Борис Стругацкие

Частные предположения

1

Поэт Александр Кудряшов

Валя Петров сам пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

- Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил:

- Когда?

- Через декаду. - Он вертел в пальцах, складывал и разглаживал берет. - Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

- Нет, почему же, - сказал я. - Ведь ты опытный межпланетник.

- Здесь это не имеет значения.

Я достал из холодильника лимонный сок и мед. Мы смешали и выпили.

- Стартуем с «Цифэя», - объявил он.

- Где это?

- Внеземная станция. Спутник Луны.

- Вот как, - сказал я. - Я думал, Цифэй - это созвездие.

- Созвездие - это Цефей, - пояснил он. - А «цифэй» по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил бокал на стол, надел берет, встал, протянул руку.

- Ладно, - сказал он. - Я пойду.

- А Ружена? Ружена уже знает?

- Нет. Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Он снова сел в кресло. Мы помолчали.

- Это надолго? - спросил я.

Я знал, что это навсегда.

- Нет, не очень, - ответил он. - Собственно, мы рассчитываем вернуться через двести лет. Или двести пятьдесят. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це». Ладно... Мне надо идти.

Но он не поднимался.

– Выпьем вина, – предложил я.

– Давай.

Мы чокнулись, выпили по бокалу золотистой «Явы».

– Знаешь, – сказал он, – даже не верится. Что ж, перед нами стартовал Горбовский, а перед Горбовским – Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. И будет, наверное, еще несколько. Ведь для нас это пустяки. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

– Да-да, конечно, – пробормотал я. – Эйнштейновское сокращение времени и все такое...

Он встал.

– Пойду... Ты будешь провожать меня?

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей остановился.

– Спасибо, Саня, – сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Трех я знал: Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Ларсен даже был моим другом, хотя и не таким близким, как Валя. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компани «Цифэя». На «Цифэе» не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше, и она все время покусывала нижнюю губу. Она была очень красива, я даже не думал, что женщина может быть такой красивой. Валя держал ее за руку и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже со страшной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Он краснел и похлопывал ее по плечу ладонью. Я испытывал удивление и недоверие. Мне не раз приходилось провожать людей в Пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-другому. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернуться, когда никого из нас не останется в живых – ни меня, ни Ружены, ни девочки в оранжевом. Их встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки. Через столетия Валя Петров познакомится с девушкой по фамилии Петрова. «Собственно, я знал одного Петрова, – скажет Валя. – Он был начальником Третьей звездной экспедиции. Мы были друзьями детства. Может быть, вы его внучка?» – «Кажется, – ответит девушка. – Только не внучка, а пра-пра-пра-пра...»

– Ты не огорчайся, – сказал Валя громко.

– Я не огорчаюсь, – ответила Ружена.

– Это ведь очень нужно.

– Я понимаю.

– Нет, – сказал Петров, – ты не понимаешь, Руженка! Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но он был совсем не такой, как я. Мне всегда казалось, что он издевается надо мной. Он принадлежал к другой породе людей. Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак. Мало кто решался на штуки, которые он позволял себе, а те, кто решался, отступали или гибли. Но ему все удавалось. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он очень любил себя такого – веселого, небрежного и неуязвимого. Другие тоже любили его. И Ружена любила его. Но что ему? Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же – весело улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вошел беловолосый загорелый юноша и сказал:

– Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

– Все, – сказал он. – Прощай, ласонька.

Ружена молчала.

– Не огорчайся, – сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

– Иди, – попросила она. – Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди. – У нее был низкий, непривычно ровный голос. – Прощай!

Он поцеловал ее и, не спуская с нее глаз, попятился к выходу. Он пятился, щелкая по полу магнитными подковами, и глядел на нее не отрываясь, словно боялся, что она выстрелит ему в спину. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми, но он улыбался. У люка его заслонили широкий Ларри Ларсен, затем незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем другой незнакомый межпланетник, затем Сережа Завьялов.

– До свидания, Руженка! – крикнул Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился.

Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки в стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компания служил чем-то вроде стереотелеэкрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ и пыль и еще что-то, что бывает в Пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной – в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но нам он казался

серебряной игрушкой, повисшей в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него, как замороженные. Потом кто-то громко высморкался, кажется, девушка в оранжевом. Экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

- Стартовали! - крикнул беловолосый юноша.

По-моему, он завидовал.

- Улетел... - прошептала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

- Мне очень тоскливо, Саня. Я боюсь.

- Если позволишь, я буду возле тебя, - сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким, ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на «Цифэе». Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкрана.

- Саня, - сказала Ружена. - Я жду тебя на аэродроме, стратоплан ЛТ-347. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя», и повесила трубку.

На ближайшей площадке я сел в вертолет и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому стратоплану, готовому к отлету. Стратоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно стукнулся грудью о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна и покусывала нижнюю губу.

- Куда мы летим? - осведомился я.

- На Северный ракетодром, - ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: - Валентин возвращается.

- Что ты?!

Что я мог еще сказать? Перелет длился два часа, и за эти два часа мы не сказали ни слова. Зато другие пассажиры говорили очень много. Все были очень возбуждены и настроены недоверчиво. Никто не понимал, почему «Муромец» возвращается. Я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова: начальник Третьей звездной сообщал, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

- Петров просто испугался, - сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. - Это не удивительно. Это бывает в Пространстве.

Я глядел на Ружену и видел, как дрогнул ее подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров н е у м е л пугаться.

- Так было с Конгом, - подтвердил кто-то.

- А параллельный прием? - спросил молодой межпланетник. У него было изуродованное лицо и злые глаза.

И все стали рассуждать относительно параллельного приема. Оказывается, и до, и после радиограммы Петрова с «Муромца» почему-то продолжали поступать сигналы, отправленные еще в первую неделю после отлета. Сигналы были страшно искажены, но в каждом из них явственно проступало рутинное «ВТ» -

«все благополучно». Спор был в самом разгаре, когда стратоплан стал снижаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/strugackie_arkadiy-i-boris/chastnye-predpolozheniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)